

## Мои воспоминания\*

**Н. А. Лейкин**

Теперь перейду к описанию переворота, совершившегося в Реформатском училище. Переворот этот совершился, спустя два года после моего поступления в училище. Умер инспектор Гордак, умер он весной после кратковременной болезни. Стыдно признаться, но торжество среди учеников было большое: так его не любили, так он был страшен по своим жестокостям. Помню, что отпевали его в Реформатской церкви, на отпевание было приведено все училище, и псалмы под орган пели все ученики. Наскоро были произведены в училище экзамены, и ученики были распушены на каникулы ранее обыкновенного.

В то время учение после каникул начиналось всегда в начале августа, 2-го, 3-го числа. И вот, когда в августе мы явились в училище, был новый инспектор. Церковный совет еще в начале лета пригласил Давида Марго. Помню, классы в училище были отремонтированы заново, прибавились шкафы с физическими инструментами и другими наглядными учебными пособиями, в классах висели новые, неободранные и незакопченные географические карты, на стенах появились картины по зоологии и ботанике, и некоторых учителей уже не было. Исчезли учителя русского языка Нувель и французского языка Лезгилье. Наступила эпоха реформ. Русский язык и литературу в трех старших классах преподавал Н. С. Васильев — человек не старый, сердечный, умный, любящий свое дело. Он тотчас же начал нас знакомить с Пушкиным, Гоголем, Жуковским. Гордака, как учителя математики, заменил в старших классах молодой учитель Э. Колинс. Он же преподавал и физику. Преподавание французского языка взял на себя сам инспектор, Давид Марго. Это был человек средних лет, высокий, красивый брюнет с бакенбардами. Манера его преподавания была настолько прекрасна и уме-

ла, что мы, ученики, в какой-нибудь месяц продвинулись вперед больше, чем при его предшественнике в целый год. Оставшиеся от гордаковской эпохи учителя подтянулись, стали сдержаннее. Телесные наказания сделались реже. Совершенно исчезли «лоб» и «тадель», как похвала и порицание за успехи и поведение, и явилась пятибалльная система отметок. Помню, перед первым уроком Марго произнес нам нечто вроде речи на немецком языке (говорил он одинаково хорошо и на французском, и на немецком языках и очень плохо по-русски), в которой упомянул, что он не сторонник телесных наказаний и на ленивых будет действовать добрыми советами и лаской, надеясь, что они перестанут лениться и быть небрежными. Он взывал к совести, к нравственному чувству учеников. С подобными же словами обратились к нам и Колинс с Васильевым. Очевидно, они сговорились с Марго.

Но что произошло в первое время после этого? Самые ленивые, не опасаясь уже телесных наказаний, окончательно перестали учить уроки, шалости удвоились.

Инспектор Марго стал исключать из училища особенно закоренелых, чего прежде не было. Чистка подняла училище.

Во время директорства Марго совершились перемены и в нашем семействе. Отец потерял место в конторе. Его заменили кончившие учиться и взятые к делу сыновья его патрона. Сначала это обстоятельство привело в уныние и отца, и все наше семейство. Я помню горькие слезы матери. Сбережений не было никаких, но были долги. Семейство поддерживал только живущий с нами дядя Василий. Кое-какие крохи давал другой холостой дядя Николай, но это были гроши. Вопиющей бедности не было, но пришлось сократиться во всем. Начались лишения. Ходили в дырявых сапогах. Стали погово-

ривать об отдаче меня в торговую науку, в лавку в мальчики, к голландцам, в Гостиный двор, где служил дядя Николай, чтобы сбыть меня с хлебов долой и освободиться от платы за мое учение, но приятели отца, немцы, внесли за меня плату в училище. Отец искал место, бегая по иностранным конторам, и не находил. Русские торговцы тогда почти не брали семейных приказчиков. Если и были у кого женатые приказчики, то семьи их жили в своем месте, как тогда выражались купцы, то есть в деревне, откуда приказчик был родом. Вдруг отца осенила мысль открыть свою торговлю, выпросив на открытие ее деньги у живущей вместе с нами бабушки, его мачехи, державшей деньги зашитыми в перине. Но она была тронута в рассудке и до того жадна, что без ссоры не расставалась и с рублем на свои нужды, хотя отец и дядя мои содержали ее. Приступили к просьбам. Она тряслась, бормотала бессвязные слова и отказывала. Мать плакала и умоляла ее, кланяясь ей в ноги, заставляя и нас, детей, делать земные поклоны, но тщетно. Так длилось долго. Дяди мои и отец, очень добрые люди, решили выселить ее к ее сестре. Угроза помогла. Старуха заболела от этой угрозы и кое-как дала отцу три тысячи рублей на открытие торговли.

Помню, что уныние сменилось торжеством. Служили молебен. Мать ходила по церквам и ставила свечи особенно чтимым иконам. Отец поехал в Москву закупить суровских товаров и открыл в Гостином дворе на верхней галерее свою кладовую. Немцы — приятели отца достали ему небольшой кредит и за границей. Торговля была оптовая, продавали различным торговцам Гостиного двора, Апраксина рынка и тоже в кредит на векселя или на субботний платеж по частям. Дела пошли недурно. Начался расцвет в семье. Отец поднял голову. Явился приток некоторой роскоши. По-

\* Продолжение. Начало в № 1 (11) — 4 (14) за 2003 г.



Петербургский извозчик.  
Фото начала XX в. Из собрания Я. Н. Ривоша

мню, что даже обилие мебели новой материей, освежили квартиру. Я стал ездить в училище и обратно на извозчиках. Стали находить, что учить дома заданные уроки для меня трудно. Репетиторов тогда не было в обычае, но были так называемые полупансионеры в училищах. После классов ученики оставались в училище обедать, после обеда приготавливали уроки под наблюдением воспитателей и уже вечером возвращались домой. И вот — я полупансионер у инспектора Марго.

Марго, имевший пансион при училище, держал у себя до десятка пансионеров. Занимался он с ними сам, помимо воспитателя француза Безюше.

Иногда на помощь к Марго являлась даже супруга его и проходила уроки особенно усердно с учениками младших классов. Занятия вечерние шли в тех же классах по окончании дневных уроков. Жилось семейно. За обед ученики садились вместе с семейством Марго, состоявшим из жены и трех дочерей-подростков. Мадам Марго разливала суп, сам Марго резал говядину. За обедом разговоры происходили всегда на французском языке. Кормили хорошо, сытно, но помню, супы и соуса к мясу припахивали всегда какими-то духами. Говорили у нас, что это — швейцарская манера стряпни. После обеда давалось всегда часа полтора на игры. Игры происходили под наблюдением воспитателя, но помню, что он при этом почти всегда спал, облокотившись на стол и положив на руки голову,

спал, невзирая на страшный шум, производимый учениками. Раз в неделю после обеда приходил учитель танцев, балетный актер Воронов, со скрипачом и обучал танцам, чего для приходящих учеников в училище не полагалось. Но, Боже, что это были за танцы! Ученики захватывали себе от обеда картофель и разбрасывали его по полу во время

танцев, а потом при польке, вальсе, галопе нарочно падали, причем валились несколько пар одна на другую, а если являлось взыскание, то жаловались на валяющийся картофель. Иногда в эту кучу сталкивали и самого учителя. Марго и урок танцев старался сделать семейным, для чего в первое время приводил танцевать и своих дочерей, но это оказалось невозможным. Впрочем, падения были иногда так комичны, что он и сам от души смеялся смотря на них.

Иногда, в часы игр, ученики устраивали нечто вроде спектаклей, показывая фокусы с платками, монетами, картами, даже аппаратами из папки, и одним из таких особенных искусников был М. И. Пыляев, тоже находящийся среди полупансионеров Марго. Разыгрывали мы подчас и пьесы, которые сами сочиняли. Помню, что я написал, уже будучи в прима, какую-то пьесу на немецком языке, которая игралась у нас. Декорациями служили крышки от складных обеденных столов, составленные вместе, как ширмы. На крышки эти мы вешали бумажные обои, разрисованные нами большие листы бу-



Невский проспект. Цв. литогр. Л. Ж. Жакотте, Г. А. Ремаге  
с оригинала И. И. Шарлеманя. 1850-е гг.

маги, изображавшие окна, двери, сад. Явились даже откуда-то драпировки для окон, приносились костюмы для женских ролей, а то и мадам Марго давала иногда надевать кое-какие принадлежности женского гардероба. Марго не возражал этих представлений и иногда сам присутствовал на них вместе со своим семейством.

О самом Марго и его семействе сохранились у меня лучшие воспоминания. Он был настоящий педагог и добрый человек, любивший детей и свое дело.

При Марго я успел усвоить себе основательно немецкий язык и уже в секунду и приме учился хорошо. Я любил географию, историю, но всего усерднее занимался зоологией, хотя проходила она у нас довольно кратко. В подспорье к немецкому учебнику по зоологии я имел зоологию на русском языке Семашко, в трех частях. Средства отца с открытием своей кладовой улучшились, и я мог уже приобретать сравнительно дорогие книги. Помню, что я отлично знал остеологию человека, которая для чего-то преподавалась подробно. Старик учитель Зецен ставил меня в пример моим товарищам, заставлял чертить перед ними на доске части скелета, и я на славу переименовывал кости его по-немецки и по-латыни. От знания же моего энтомологии и в особенности отрядов бабочек и жуков, которых я изучал под руководством Гюбера, старик Зецен приходил в полное умиление. Не любил я физику, алгебру и геометрию и получал из этих предметов всегда плохие отметки. Не особенно хорошо занимался я и по части русской грамматики. Ученические тетради мои и тетрадка дневника, сохранившаяся у меня от того времени, когда я был уже в приме, поражают меня теперь своими ошибками в правописании и в особенности по постановке букв «h» и «e». Я получил свидетельство об окончании курса с правом при поступлении на государственную службу на первый классный чин. Это последнее моих домашних очень радовало, хотя меня и не готовили для казенной службы.

В 1859 г. я кончил курс. Торжество в доме было великое. Мне было всего только 18 лет. Отец водил меня по Гостиному двору, за-



Невский проспект у Гостиного двора.  
Фото И. Г. Ностица. Конец 1880-х гг. Из коллекции Гос. Эрмитажа

ходил в лавки, показывал меня своим знакомым купцам и хвастался мною, торжествуя говоря:

— Вот поздравьте... Окончил курс в Реформатском училище и кандидат на чин. Теперь у меня свой немец и француз. Корреспонденцию с иностранными домами будет уж он вести.

Приятель отца, немцы, кладовщики, заговаривали со мной по-немецки и одобрительно кивали головами.

— Надо отдать его в большую иностранную купеческую контору для практики — человеком будет. Хорошо бы послать за границу в контору, в Гамбург, — советовали они. — В торговле у папаши не наука.

Но отец об этом и слышать не хотел и оставил у себя при деле, в кладовой на верхней галерее Гостиного двора, где ему и самому-то нечего было делать, а он еще имел на жалованьи приказчика, артельщика, бухгалтера и корреспондента. Расходы были громадные, а торговля приходила в упадок. Она у отца как быстро расцвела, так же быстро и отцвела. Его подвела война, Крымская кампания, и доверчивость к людям. Торгуя в кредит, он распустил и сам много товару в кредит, а ему не платили. Должники его, то и дело заключали сделки, платя по 20 и 30 копеек за рубль. Банк был всего один. Векселя отец учитывал у дисконтеров, которые драли невероятные проценты. Он потерял на курсе. Купленный за границей товар во время войны обходился в рубль, а по заключении мира он уже стоил едва полтинник. Когда я стал ходить в

кладовую отца, я увидел, что отцу уже грозилострое разорение. То и дело были протесты векселей. За неплатеж пошлины выписанные из-за границы товары были остановлены в таможне. Наступали платежи, а денег не было. Артельщики осаживали кладовую с предъявлением разных обязательств отца. Отец стал прятаться в кладовой, уходя в верхний этаж, а приказчик говорил, что отец в отъезде. Что упреков, что брани приходилось нам выслушивать в кладовой от кредиторов и их артельщиков! Началась продажа товара почем попало, только бы на наличные деньги. Стали являться еврей-комиссионеры. Вырученными деньгами тотчас же затыкали необходимые долговые дыры, но долгов было так много, что отец принужден был пригласить к себе кредиторов и просить скидки. Он предложил за рубль 40% уплаты, хотя все приятели-немцы ему говорили, что если уж делать мировую сделку с кредиторами, то надо предлагать только 15–20%, иначе ничего не останется для продолжения торговли. Так и вышло впоследствии.

Помню дисконтеров, у которых отец учитывал векселя. Один был отставной комиссариатский чиновник (по нынешнему интендантский) в засаленном на груди мундире, в фуражке, красный околышек которой превратился по краям в черный цвет от сальных волос. Про него говорили, что он очень богат. Другой дисконтер был бывший кварталный надзиратель. Про него говорили, что

ему за «его дела» было запрещено жить в Петербурге, и он наезжал из Колпина. Затем был еще дисконтер купец-гостинодвор, торговавший лентами и кружевами, в разговоре то и дело употреблявший восклицание: «Мать Пресвятая Богородица, спаси нас», «Никола Угодник Божий, помилуй нас!». Это был старик, ходивший всегда в мятом цилиндре, с совершенно отвисшими у него от времени полями, так что, кланяясь он всегда снимал шляпу обеими руками. Про этого дисконтера говорили, что он так жаден, что даже сайку, покупаемую им у гостинодворского саечника себе на обед, никогда не съедал сразу, хоть и чувствовал аппетит, а делил на два раза, чтобы потом не покупать второй. Он ходил с бритым лицом, но подбородок его всегда был в щетине из экономии, чтобы реже платить цирюльнику, по три копейки за бритье, а сам он бриться не мог, потому что у него руки тряслись. Брал он за учет векселей страшные проценты, сделки с ним происходили в трактире. Он требовал себе от должника всегда угощение, выбирал лучшие блюда, наедался всласть и что не мог съесть, завертывал в бумагу и уносил в лавку. Был еще дисконтером содержатель извозчичьего двора, старик купец, ходивший в сибирке и в картузе, с бородой по пояс и с прической в скобку.

Эти и подобные дисконтеры заменяли тогда частные банки, которых еще не существовало. Евреев-дисконтеров я не помню. Евреи в начале шестидесятых годов в петербургской торговле не играли почти никакой роли. В Гостином



Булочник, несущий хлеб

дворе не было ни одного еврея. В Апраксином рынке (ныне Александровский) они торговали только старым платьем и на развале предметами самой ничтожной ценности, и главным образом еврейки в шелковых париках, безобразно нахлобученных на брови. Да и вообще евреев в Петербурге было очень мало, хотя Большая Подъяческая улица (их было тогда три — Большая, Средняя и Малая) и считалась еврейской улицей. Были купцы — еврей-выкресты, кантонистского происхождения, как тогда говорили, но и такие не были особенно заметны. И других профессий, занимаемых евреями, я не помню. Только разве зубные врачи. Часовых дел мастера были немцы, аптеки находились в немецких руках, хорошие сапожные и портные — немцы, булочники — поголовно немцы, и последние были настолько сильны, что русский человек, вздумавший открыть бу-

лочную, сейчас же вытеснялся ими и погибал. Зато немцы-булочники совсем не умели делать саяк и калачей, и это дело исключительно сосредоточивалось в руках русских, равно как пряничное и пирожное дело. Чернышов и Лештуков переполнены пряничными и пирожными куренями. Пряники были в большом ходу, пироги продавались на всех перекрестках, не исключая и Невского проспекта. Пирожники, саечники и пряничники заполняли углы Гостиного двора и Апраксин мост, выкрикивая и выхвалявая на все лады свои товары. Кондитерских было очень мало, они находились в руках швейцарцев, и сладкие кондитерские пирожки стоили дорого.

Но я уклонился.

Отец должен был созвать своих кредиторов, открыть свои торговые книги, показать баланс и просить скинуть ему с долговых обязательств. Обыкновенно тут всегда выставляются дутые, подставные кредиторы из родственников, но отец ничего этого не сделал. Собрание было у нас в квартире. Помню это торжественное заседание в нашей столовой, где во время чаепития рассматривались аршинные торговые книги. Иностранцы первые согласились взять по 40 копеек за рубль и переписать векселя на двенадцать месяцев. Русские не соглашались и поносили отца. Немец, агент какого-то иностранного торгового дома, говорил на ломаном русском языке речь в защиту отца и кое-как уладил дело.

Векселя переписали. Отец расцвел, отслужил молебен, но расцвел не надолго. У него не было сорока копеек за рубль. Новый кредит ему хоть и обещали, но такого не сделали. По первым векселям отец уплачивал, продавая по пониженной цене имевшийся в кладовой товар, а потом опять прекратил платежи. Начались дела с коммерческим судом. Стали появляться стряпчие того времени, из оставших чиновников управы благочиния, и учили отца, как спастись. Это были все грязные, полупьяные люди. Они угощались в кладовой водкой и пирогами, брали с отца мзду за советы и все-таки ничем не могли помочь.



Правая сторона Невского проспекта. Гостиный Двор. П. С. Иванов по акварели В. С. Садовникова. 1830-е гг.

*Продолжение следует*